

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В ПСЕВДОЭТИМОЛОГИЮ

WORD-FORMATION ASPECTS OF THE LANGUAGE GAME
IN PSEUDOETHYMOLOGY

WŁADIMIR MIAKISZEW

ABSTRACT. The paper addresses B. Norman's humorous etymological Russian dictionary. By reanalyzing the morphological structure of Russian words, Norman provides them with knowingly false, amusing interpretations. The paper proposes to investigate the word-formation aspects of Norman's re-analyzed lexis. It mostly represents an attempt to "build" the false etymological entities into the system of all existing word-formation techniques of the Russian language. Specific features of amusing para-etymology are also identified.

Keywords: language game, word formation, pseudo-etymology, morphology structure re-analysis

Władimir Miakiszew, Uniwersytet Jagielloński, Kraków – Polska, wmiakisz@interia.pl

В 1966 году, когда уважаемый Юбилляр еще только готовился ступить на полувековой путь служения филологии, четверо студентов-русистов Ленинградского университета — Б. Ю. Норман, М. А. Зубков, В. А. Карпов и А. М. Спичка — при оформлении очередного номера факультетской стенгазеты обратились к лингвистической забаве, которую представили как *Этимологический словарь*. Название напоминало привычное филологам „этимологический”, но несло в себе очевидную опечатку, рождающую ассоциации с термином из другой науки — о жизни насекомых. В шутовском лексиконе на основе переосмысления морфологической структуры словарным единицам давались заведомо ложные, неправильные толкования, напр., *бездарь* — человек, которому ничего не подарили; *деньжонки* — день 8 марта; *жрец* — чревоугодник, гурман; *пеньюар* — дурак из Южной Африки; *стриж* — парикмахер и т. п. Справедливости ради следует отметить, что студенты ЛГУ, конечно же, не первыми обратили внимание на возможность псевдоэтимологического толкования слов. К такой потехе обращался, в частности,

ранний А. П. Чехов, опубликовавший в 1886-м году *Словотолкователь для „барышень“*, в котором *плотская любовь* трактовалась как *любовь на плоту*; *холостяками* назывались мужчины, стреляющие из *холостых ружей*; *распутная жизнь* приписывалась почтальонам и ямщикам, когда те ездили осенью в *распутицу* [Чехов 1976: 223]. И все же стараниями именно студентов из ЛГУ, а в первую очередь главного застрельщика „этимологии“¹ Бориса Нормана, ставшего впоследствии видным славистом, эта лингвистическая игра стала распространяться все шире и шире. Спустя четыре года после настенного „явления народу“ материалы словаря этимологизмов увидели свет в печати (правда, в урезанном цензурой виде) — на страницах новосибирского сборника *Вопросы языка и литературы*, а чуть позже началось триумфальное шествие потешного лексикона на стране. Как свидетельствует сам инициатор забавы, после публикации материалов на 16-й полосе „Литературной газеты“, „в редакции газет и журналов хлынул поток продолжений и предложений“ [Норман 2006а: 255]. В самой „Литературке“ в 1972–1980 гг. было опубликовано до 30 выпусков забавного *Толкового этимологического (sic!) словаря (ТЭС)*, а кроме того читатели могли познакомиться со *Спортивным этимологическим словарем*, *Толковым фразеологическим словарем*, *Толковым энциклопедическим словарем*, *ТЭС-ом иностранных слов* [см.: Введенская, Колесников 2004: 58]. В начале 80-х годов дело популяризации лингвистической игры продолжили сатирики: в свои сценические выступления материалы *Бестолкового словаря* стал включать Евгений Петросян².

При всем обилии и разнообразии нагромождаемого материала его ядром остаются данные, собранные ленинградской четверкой. С оригинальным „авторским“ вариантом *Этимологического словаря* широкая общественность могла познакомиться в 1987-м году благодаря публикации в научно-популярной книге Б. Ю. Нормана [Норман 1987: 207–221]. В 2006-м году этот же автор издал наиболее полный на сегодняшний день перечень шуточных словотолкований (более 2000 единиц) [Норман 1987: 283–337]. Данные этого лексикона и стали предметом нашего исследовательского внимания, выбор аспекта анализа вполне предсказуем: статья не может восприниматься иначе как демонстрация уклona в сторону научных интересов Юбиляра — адресата настоящей публикации, известного специалиста прежде всего в области словообразования.

¹ Далее будем употреблять этот термин, равно как его производные уже без кавычек.

² В последние годы к шутивому толкованию слов путем комического переосмысления их структуры часто прибегал Михаил Задорнов.

Нетрудно заметить, что само по себе явление этимологии базируется на обыгрывании реально существующих лексических единиц, расчленяющихся на элементы, каждый из которых подвергается переосмыслению. Успех предприятия, как справедливо отмечает Б. Ю. Норман, заключается в „словообразовательном правдоподобии“ производных:

Представленные в словаре шутливые толкования имеют под собой определенную психолингвистическую базу: они объективно отражают продуктивность словообразовательных моделей в сознании человека. Иначе говоря, если читатель легко „клюет“ на „этимологию“, если она его занимает, веселит, то это значит с большой степенью вероятности, что у него в голове „работает“ соответствующий структурный образец, который должен распространить, экстраполировать известную ему модель на новый языковой материал, виртуальные единицы [Норман 2006а: 264].

Оговоренная заданность должна была бы „вписывать“ этимологические новообразования в систему существующего в русском языке нормативного словопроизводства, а элементы ненатурального, можно сказать, насильственного членения лексической единицы обязаны при этом обладать значимостью: семантической — если речь идет о корневых сегментах, словообразовательной — о всех прочих.

Так ли механизм этимологии выглядит на самом деле, проявляется ли при создании переразложенных лексических единиц какая-либо словообразовательная специфика — на эти вопросы попытаемся ответить на основании „примерки“ материала из словаря Б. Нормана к традиционным способам деривации.

Наблюдения над словообразованием этимологизмов позволяют говорить о наибольшей продуктивности морфологического способа словопроизводства, в рамках которого абсолютно доминирующие позиции удерживают аффиксация (а если быть более точным, то суффиксация) и словосложение. Несомненному лидерству они обязаны отчетливой семантической маркированности своих потенциальных составляющих — искусственно выделяемых компонентов (корней и аффиксов).

Активность суффиксации возьмемся проиллюстрировать, обратившись к одной лишь тематической группе этимологизмов. Приводимые ниже примеры показывают, что наличие агентивных суффиксов — необязательно частотных, главное, что распознаваемых в качестве атрибутов обозначения агенса — предопределяет значение действующего лица у слов: *алкаш* (древнерусск.) — алчущий, *ариец* — действующее лицо в опере; *байкер* — рассказчик баек; *барыга* — официант за стойкой; *визирь* — чиновник из ОВИРа; *воротила* — швейцар, сторож при

входе; *гимнаст* – одописец; *каратист* – ювелир-оценщик; *лазер* – альпинист; *нудист* (конфер.) – скучный докладчик; *пловец* – любитель плова; *поборник* – налоговый инспектор; *подкидыш* – акробат; *прихожанин* – посетитель приемной; *пройдоха* – встречный; *славист* (возвыш.) – автор мадригалов и панегириков; *снец* – любитель поспать, соня; *строгач* (разг.) – столяр; *чернила* (бюрокр.-обиходн.) – анонимщик; *ямыщик* – дорожный рабочий, асфальтировщик и проч.

Энтимологизмы, возникшие как результат словосложения, представлены в *Словаре* Б. Нормана обоими существующими подвидами объединения полнозначных слов: с использованием так наз. соединительных гласных и без таковых. Синтаксическое словосложение иллюстрируют, напр.: *агасфер* – область согласия; *бакенбард* – бакенщик, сочиняющий песни; *бандероль* (театр.) – амшлуа преступника; *барбос* – хозяин бара; *буквалист* (типограф.) – единица измерения объема страницы в печатных знаках; *гашиш* – незасеянный гектар; *дурман* (нем.) – глупый человек, *капремонт* – ремонт протекающей крыши; *мономех* (спорт.) – одно движение метателя; *пентагон* – самогон пятикратной очистки; *пижон* (научн.) – среднестатистическое (3,14) количество потенциальных жен на одного холостяка; *платформа* (швейц.) – модель платья; *поп-музыка* – хорал; *разгром* – начало грозы; *стереотип* – двуличный человек; *тактика* – работа часового механизма; *тритон* – грузовик подъемности 3 тонны; *трубидур* – свихнувшийся трубоч; *ухажер* – любитель рыбного супа; *хариус* – круглолицый усатый человек. Морфологическое словосложение находит отражение в примерах: *астрология* – раздел ботаники, разведение астр; *бракодел* – работник загса; *головотяп* – палач, экзекутор; *горлопан* – руководитель хора; *гrehоводник* – прошттрафившийся работник водного транспорта; *договор* – человек, крадущий породистых собак; *долгожитель* – живущий в долг; *колобок* – шприц; *летописец* – писатель, к которому вдохновение приходит летом; *мелодрама* – отсутствие мела в разгар ремонтных работ; *мракобес* – дьявол в ночи; *наговор* (милиц.) – вор на пляже; *пароход* (собир.) – прогулки влюбленных; *родоначальник* – заведующий родильным домом; *самовар* (шутл.) – холостяк; *самогон* – велосипедист; *сорокоуст* – клвов сороки; *стенография* (нехор.) – надписи на стенах; *челобитие* (древнерусск.) – соревнования по боксу; *шаровары* – фрикадельки.

Игровое начало в словах этой группы усиливается в примерах, характеризующихся наложением элементов: *журналист* [журнал + лист] – лист из журнала, *йогурт* – собрание йогов, *компромисс* – скомпрометированная девушка; *лампас* (морск.) – электрокомпас; *лопасть* (груб.) – рот; *пахан* – бригадир трактористов; *ракурс* – задний ход; *рамазан* – маргарин „Рама”; *стерлядь* – очень плохая женщина; *трактир* – придорожное стрельбище.

Значительные возможности для перерасчленения слов, казалось бы, должно нести с собой обращение к префиксально-суффиксальному способу словопроизводства, однако практика этого не подтверждает. Как представляется, причину тому следует усматривать в специфике механизма разбора слов: именно в отношении этого способа интересующий нас словообразовательный анализ наиболее демонстративно отличается от морфемного. Примерами префиксально-суффиксальных энтимологизмов в лексиконе Б. Нормана являются: *агриппина* – микстура; *антипатия* (шахм.) – игра на выигрыш; *деклинация* (научн.) – извлечение клина; *демонстрация* (чернокнижн.) – изгнание монстров; *завербовать* – запороть вербой; *контрабандист* – боец отряда по борьбе с бандитизмом; *напортачить* – нашить штанов; *насутиться* (детск.) – наестся супа; *обвинять* – спаивать; *обескровленный* – лишившийся крыши, бездомный; *оборзеть* – заняться разведением борзых собак; *опешить* – оказаться вытолкнутым из автобуса; *осоловеть* – запеть соловьем; *откровение* (средневеков.) – кровопускание; *офигеть* – купить свежих фиг; *переборка* (спорт.) – реванш на ковре; *поднадзорный* – смотрящий ниже и выше других; *прелюдия* – человекообразная обезьяна; *промоглый* – свехученый; *ублюдок* (руг.) – официант и проч.

Еще реже игра в псевдоэтимологию распространяется на слова, образованные при помощи префиксации, безаффиксного способа и аббревиации – как и в случае с префиксально-суффиксальным способом речь идет уже не о сотнях, а о десятках фиксаций. Очевидной „виной” тому является серьезное ограничение базы для членения лексической единицы на морфемы.

Позиции безаффиксных энтимологизмов несколько укрепляет обращение к обратному словообразованию, предусматривающему „возникновение мнимопроизводящего слова в результате оценки производной основы как производной с вычленением в последней ложного аффикса” [Варбот, Журавлев 1998: 30]: *кабак* – созревший кабачок; *коррида* – большой корридор (фонетика); *кроль* – большой кролик; *проба* (хим.) – большая пробка; *справа* (юр.) – обстоятельная справка. Однако эти примеры в игровом отношении выглядят довольно блекло – по сравнению с производными классической безаффиксации: *выгон* – увольнение; *выпь* – единица потребления алкогольных напитков; *гряда* (возвыш.) – будущее; *дерн* – короткий рывок; *заскок* – кратковременный визит; *изверг* – действующий вулкан; *мазь* (спорт.) – серия промахов; *мим* – прохожий; *неликвид* – помилованный; *падъ* – павшая женщина; *пах* (сельскохоз.) – один ход трактора; *потоп* – пеший туризм; *припарка* – автостоянка; *пуща* (юр.) – справка об освобождении; *рассада* (разг.) – метрдотель; *регулы* – правила дорожного

движения; *ржа* — грубый смех; *свищ* — автоинспектор; *сократ* (нар.) — человек, уволенный по сокращению штатов; *удаль* — разлука.

Префиксальный способ словопроизводства обнаруживает себя в совсем скромном количестве примеров — наличие приставки несильно осложняет структуру слова и, как правило, не способствует перерасчленению. И все же некое количество регистраций лексикон Б. Нормана содержит: *аналоговый* — не облагаемый налогом; *безвинный* — безалкогольный; *заводка* — очередь в винный магазин; *издевка* (нар.) — замужество; *негласный* (лингв.) — согласный; *нелады* — расстроенный аккордион; *неряха* — тонкое, одухотворенное лицо; *подводка* — закуска; *предтеча* (библ.) — скопление облаков перед дождем; *прелюбодеяние* (старослав.) — слишком хорошее дело; *примочка* — серьга; *сомнение* — мнение коллектива; *сопение* — дуэт; *экстаз* — таз, бывший в употреблении; *экстрадиция* — традиция прошлых лет; *экстракт* (автом.) — заброшенная дорога.

Аббревиация как очень редкий способ словопроизводства этимологизмов, судя по исследованному материалу, проявляется в разных своих видах: в числе перетолкований видим и сложносокращенные слова, и инициальные аббревиатуры (как правило, буквенные):

— *аэрозоль* — мозоль, натертая в самолете; *буллит* — бульварная литература; *восторг* — Среднеазиатское торговое управление; *интерпол* — интересное положение; *нюанс* — стриптизный ансамбль; *помреж* (мед.) — ассистент хирурга; *поп-арт* — искусство, создаваемое не руками, а другими частями тела; *ревматик* — ревнивый математик; *саксаул* — уличный саксафонист; *сосед* — совершенно седой человек; *супруг* — человек, который ест суп и ругается;

— *бриз* — бюро рационализаций и изобретений; *вдова* — Всесоюзное Добровольное Общество Велосипедистов и Автолюбителей; *гроб* — гражданская оборона; *гумно* — городское управление Министерства народного образования; *мопс* — Министерство общественных путей сообщения; *опт* — облпищеторг; *спид* — специфические последствия интернациональной дружбы; *физо* — физическое истощение здорового организма.

Можно заметить, что инициальные аббревиатуры, реинтерпретируемые по моделям „расшифровка слова как аббревиатуры” и „расшифровка аббревиатуры, отличающаяся от узуальной” [см.: Клубков 2003: 655–656], способны вызвать интерес только в том случае, если обнаруживается их смысловая переключка с исходным — перечисленным — первообразом. Такое каламбурное начало прослеживается, в частности, в примерах *гроб*, *гумно*, *спид* и *физо*.

Если представленный морфологический способ образования этимологизмов в совокупности всех своих разновидностей и проявлений

оказывается самым востребованным в игре в „преднамеренную псевдоэтимологию” [Введенская, Колесников 2004: 56], следующие позиции делят между собой лексико-семантический и лексико-синтаксический способы словопроизводства.

Первый из них, предусматривающий распадение слова на омонимы, реализуется — едва ли не в большинстве случаев — за счет потенциала внутренней формы слова, признака, положенного в основу номинации: *беззащитный* — профессор, не имеющий докторской степени; *водяной* — слесарь-сантехник; *выжимки* — плавки; *вырезка* (разг.) — декольте; *дача* (юр.) — взятка; *домовой* — управдом; *доходяга* (просторечн.) — победитель соревнования по спортивной ходьбе; *заваруха* — крепкий чай; *кожемяка* (банн.) — массажист; *лягушка* (ласк.) — норовистая лошадь; *мигалка* — кокетка; *наушничать* — служить в радистах; *оторва* — квитанция; *плетень* — лапоть; *предпосылка* — почтовое извещение; *ротозей* — пациент на приеме у зубного врача; *рубанок* — топор; *рукоплескание* — омовение ладоней; *самообладание* — онанизм; *упойтельный* — алкогольный.

Реализации лексико-семантического способа не мешает то обстоятельство, что переосмысленные производные — в отличие от исходных слов — могут соотноситься с иными словообразовательным моделям, напр.: *бормотуха* — 1) знахарка, 2) молитва; *бумажник* (разг.) — бюрократ; *грузило* (портов.) — такелажник; *закладка* — доносчица; *листовка* (студ.) — наверстывание упущенного перед экзаменом; *ползунки* (воен.) — саперы; *раскольник* (хоз.) — топор.

Обращение к лексико-синтаксическому способу словообразования, суть которого сводится к сращению в одну единицу целого сочетания слов, дает не самые многочисленные, но, пожалуй, самые изобретательные и яркие примеры энтимологизации, напр.: *балласт* — праздник подводного плавания; *барабашка* — (татарск.) шеф бара; *барсук* — название бара с плохой репутацией; *баталия* — возглас худеющей женщины; *батисфера* — область вмешательства отца в семейные дела; *вампир* — официант; *высокородие* (социол.) — демографический взрыв; *гончая* — чаепитие; *добряк* — мгновение перед падением; *колокол* — драка в деревне; *крахмал* — небольшое поражение, неудача; *лосьон* — лось-самец; *мелиоратор* (бюрократич.) — докладчик; *местоимение* (железнодорож.) — плацкарта; *наперсник* (древнерусск.) — бюстгальтер; *насос* — радист спасательной службы; *невинный* (торг.) — магазин „Мясо-молоко”; *наоптикум* — (польск.) господин окулист; *параметр* — двести сантиметров; *паскуда* (южноамерик.-футб.) — игрок, отдавший неточный пас; *полчище* — моющее средство для линолеума; *портсигар* — Гавана; *постсоветский* — советский пост; *пошлина* — сальность; *праздношатающийся* (быт.) — человек, идущий с праздничного ужина; *стремя* — банкет вчетвером; *фасоль* — кое-что из области музыки; *чайхана* (студ.) — мысль:

наверное, двойка; *чешуя* — признание врачу-дерматологу; *шарлатан* — побывавший в ремонте аэростат.

Морфолого-синтаксический способ словообразования — переход лексических единиц из одной части речи в другую — как и в литературном русском языке, в ресурсах этимологии используется нечасто, однако фиксируемые примеры заслуживают внимания из-за высокой насыщенности игровой составляющей: *нагоняй* (спорт.) — спрут; *надпил* — пригубленный напиток; *напасть* — атака; *нарвал* — фурункулы; *невесть* — состояние новобрачной; *ной* — нытик, зануда; *опал* — увядший цветок; *осип* (нариц.) — простуженный, больной ОРЗ; *очень* (поэт.) — пучеглазие; *перепел* — победитель конкурса песни; *полуустав* — (дееприч.) притомившись; *помочи* — памперсы; *потугай* (финанс.) — ревизор; *развезло* (простор.) — таксист; *растегай* — 1) застежка-молния, 2) стриптиз.

К созданию перерасчлененной лексики — помимо проиллюстрированных отдельно взятых способов словопроизводства — приводит обращение к всевозможным комбинациям словообразовательных средств, чаще всего во взаимодействии со словосложением, усечением, аббревиацией вступает суффиксация: *аллегория* — альпинизм; *вакханалия* — провал диссертации в ВАКе; *головоломка* — драка; *долголетие* (метеорол.) — сухая, теплая осень; *индюк* — торговец-индивидуал; *иноходец* — путешествующий чужеземец, странник; *лихоимец* — человек с неудачным именем; *лукоморье* — неурожай лука; *междуречье* (бюрократ.) — перерыв в заседании; *микроскоп* — небольшая толпа; *миноносец* — важное лицо; *молочай* — чай по-английски (с молоком); *непосредственный* — живущий не по средствам; *оготело* — нагишом; *однокашник* — сидящий на кашевой диете; *плоскогубцы* (африк.) — европейцы; *полномочие* (мед.) — переполнение мочевого пузыря; *разгильдяй* (ист.) — купец первой гильдии; *тугоплавкий* — стесняющий движения, обтягивающий (о трусах); *чепец* (ласк.) — маленькое происшествие.

Разговор о словопроизводстве этимологизмов не может также обойтись без упоминания о возможностях морфемного переразложения и переосмысления устойчивых выражений, напр.: *белый налив* — подача водки; *великий кормчий* — шеф-повар; *гашеная известь* — угасшая популярность; *деклассированный элемент* — ученик, выгнанный из класса; *исполнительный лист* — ноты; *половина первого* — супруга премьер-министра; *столбовая дворянка* — дворная собака, привязанная к столбу; *суженый-ряженный* — похудевший на молочной диете (напр., на ряженке); *фата-моргана* — невеста, подмигивающая из-под фаты; *холостой патрон* — неженатый начальник.

Как видим, рассмотрение словообразовательных характеристик этимологизмов показывает, что „переиначенные” слова и обороты в це-

лом создаются по правилам системы словопроизводства литературного русского языка. Обращение к тому же самому набору словообразовательных способов и моделей сопровождается, правда, перераспределением меры активности их использования.

Главной же особенностью деривации переразложенной и переосмысленной лексики следует признать отсутствие строгости в воспроизведении предусмотренных нормой механизмов образования новых слов. Отклонения от стандартов проявляются, в частности, в наличии в структуре лексических единиц „лишних” элементов или, напротив, неоправданном нарушении целостности морфем; искажениях привычной формы последних; нарушениях принципов связи с производящей основой, отступлениях от схемы словообразовательной модели и проч. Такого рода „погрешности” фиксируются достаточно регулярно применительно к производным разных способов словопроизводства: лексико-семантический: *ельник* — рот; *жабо* — болото; *желобок* — подрастающий жлоб; *кармелитка* — девочка-сластена; *клише* — распиренные книзу брюки; лексико-синтаксический: *кандибобер* — пушной зверек; *каннибал* — кандидат в бобры; *каннибал* — торжества после кинофестиваля в Каннах; *непутевый* — отдыхающий „диким” способом, без путевки; *нерадивый* — не имеющий радио; *якобинец* — человек сомневающийся, не верящий чужим словам; морфологический: суффиксация: *бражка* — артель по производству настенных светильников; *единство* — чревоугодие; *пенальти* — школьные принадлежности; *пристанище* — навязчивый кавалер; *селитра* — паспортистка в общежитии; *фаталистка* — невеста; префиксация: *пращур* — древний ящер; префиксально-суффиксальный: *абордаж* — количество абортотворений за отчетный период; *затугование* — застегивание на все пуговицы; *обогащение* — приобщение к религии; *превосходный* — предрассветный; *прерогатива* — перспектива приобрести рога; словосложение: *Максимилиан* — мультимиллиардер; *мародер* — начинающий филателист; *постамент* — постовой милиционер; *супермен* — любитель супов; *усугубление* — сбивание усов.

Нетрудно заметить, что отступления от правил традиционного словообразования отнюдь не препятствуют реализации главного свойства энтимологизмов — возможности вычленения значимых элементов с последующим переосмыслением самого слова.

Распознаванию заложенного эффекта не мешает также то обстоятельство, что в игре могут участвовать лексические единицы, распознаваемые в соответствии с фонетическим принципом, то есть представленные в словаре в ошибочной форме: *аблаут* — собачий питомник; *аскорбинка* — кличка, обидное прозвище; *блиндаж* — блинная; *верноподанный* (футб.) — точный, прицельный (об ударе); *камарилья* — туча

мошкары; *катализ* — утренний туалет кота; *маринад* — прогулка по морю; *нелепица* — некачественный пластилин; *облажаться* — подвергнуться налогообложению; *объем* (простореч.) — биографическое описание: „про него“; *ревю* (бр.) — громкое, неблагозвучное пение; *финтифлюшка* — финт в хоккее; *фломастер* — живописец фламандской школы; *щетина* — большой счет в ресторане, *эксгибиционист* — бывший сотрудник ГБ.

Препятствием в расшифровке игры не является присутствие в структуре энтимологизмов иностранных элементов, заведомо чуждых системе русского языка: *антрекот* (фр.) — кот, живущий в передней; *балдахин* — китайский болванчик; *вербный* (англ.) — глагольный; *гастрит* (амер.) — улица площадью 1 га; *джинсы* (англ.) — чета джиннов; *допинг* (англ.) — причастие от допить, допитаться; *дурман* (нем.) — глупый человек; *лавсан* (иностр.) — любовь к сыну; *пленум* (лат.) — неволя; *прополис* (лат.) — сорняк, удаляющийся; *разбой* (русс.-анг.) — первый парень на ранчо; *свитер* (англ.) — сопровождающий, лицо, входящее в свиту; *спичка* (англ.) — маленькая застольная речь; *чайник* (англ.) — китаец.

Рассмотренный и проанализированный материал показал, что энтимологизмы, представляя собой оригинальное явление в системе языковых игр, создаются и „живут“ по правилам нормативного языка, но не придерживаются их как догмы, допускают вольности и отклонения, границы которых определяются соблюдением требования обязательной распознаваемости перерасчлененного элемента.

Библиография

- В а р б о т Ж. Ж., Ж у р а в л е в А. Ф. 1998. *Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии*, Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, [в:] электронный ресурс: http://etymology.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (15.07.2017).
- В е д е н с к а я Л. А., К о л е с н и к о в Н. П. 2004. *Этимология*, Санкт-Петербург: Питер.
- К л у б к о в П. А. 2003. „Языковые игры“ и малые жанры городского фольклора, [в:] *Современный городской фольклор*, Москва: Российский гос. гуманитар. ун-т, с. 645–664.
- Н о р м а н Б. Ю. 1987. *Язык: знакомый незнакомец*, Минск: Вышэйшая школа.
- Н о р м а н Б. Ю. 2006а. *История и уроки одной забавы*, [в:] *Его же, Игра на гранях языка*, Москва: Флинта, с. 252–282.
- Н о р м а н Б. Ю. 2006б. *Этимологический словарь*, [в:] *Его же, Игра на гранях языка*, Москва: Флинта, с. 252–282; также электронный ресурс: <http://fege.narod.ru/librarium/norman.htm> (15.07.2017).
- Ч е х о в А. П. 1976. *Словотолкователь для „барышень“*, [в:] *Его же, Сочинения: в 18 т., т. 5: Рассказы, юморески*, Москва: Изд-во „Наука“, с. 223.